Посвящается моему внуку Владику

Немного о своих истоках

В авиацию я попал в очень юном возрасте. В 12 лет я впервые надел авиационную форму и с небольшим перерывом практически не снимал ее до 1999 года. На фото воспитанники 6-ой Воронежской спецшколы ВВС. По краям это я.

Мне с раннего возраста приходилось заполнять множество анкет с вопросами о своем происхождении, социальном положении родителей и родственников, участии в революциях, войнах, оккупации, заключении и т.д. и т п. А оно и для меня было темным пятном. Поэтому спустя годы я решил больше выяснить о своих корнях. Прошлое оказалось более трагичным, чем я себе представлял.

Родился я в селе Колодяжное Воронежской области.

Село Колодяжное раскинулось на правом берегу Дона в большой его излучине, выше от устья притока Дона р. Битюг, впадающего в него с левой стороны. Всю излучину занимает низменная часть берега, представляющая собой прекрасные заливные луга. За ними на удалении от русла Дона возвышаются разной высоты холмы с оврагами, балками, пятнами лесов разного состава и раскинувшимися между ними полями.

Удивительная природа в этих местах. Местность, прилегающая к правому берегу Дона, впечатляет настоящими альпийскими ландшафтами. Величественные овраги, меловые скалы, многие из которых покрыты лесными массивами, дубравами, кустарниками. Это уникальные места Среднерусской возвышенности. Выше по Дону от Колодяжного находится село Костомарово. Здесь в высоких меловых берегах Дона в пещерах находится знаменитый женский монастырь. Аналогичные пещеры имеются также ниже по течению Дона от села Колодяжное за поселком Белогорье, известное тем, что здесь проходил службу и женился на местной

красавице декабрист Кондратий Рылеев. Именно в этих местах находятся самые богатые в России залежи мела, мергеля, бентонитовых глин. И не случайно, расположенная в 40 км от села Колодяжное станция Подгорное, она же в настоящее время районный центр, а в прежние времена центр Верхне-Донского казачества, в 30-е годы прошлого века стала площадкой для строительства одного из первых в стране цементных заводов.

В годы своего рождения село Колодяжное начиналось за заливными лугами на ближайших к ним холмах двумя частями, отделенными друг от друга низиной, которая весной заполнялась разливными водами Дона на 2–3 км вглубь территории по широкой лощине между двух достаточно высоких меловых гор. Летом она зарастает густыми непролазными кустарниками лозы, ольхи, березняком, а также высоченными зарослями крапивы, лопуха, осоки.

Каждая из сельских частей имела и имеет свои особенности. Верхняя по отношению к течению Дона часть - северная начинается от прекрасного чистого родника воды, называемого селянами Криница. Отсюда до берега Дона примерно около сотни метров. Сельская улица, начинаясь около Криницы в этой части, уходит с одной стороны вглубь села и переходит в дорогу на село Сагуны, которое находится в семи км от Колодяжного и дальше на станцию с таким же названием – Сагуны. С другой стороны дорога идет к мосту через Дон. В начале Великой Отечественной войны мост был уничтожен, и дальше переправа через Дон осуществлялась паромом. С того времени эта часть Дона называется Паром, здесь же находится пристань пассажирских судов, курсирующих между Лисками (Гергиу-деж с 70-х годов) и Павловском, старинным донским городом, знаменитым добываемым вблизи мрамором и историей, связанной со строительством во времена Петра 1 военных судов.

Нужно отметить, что местность вблизи Колодяжного изобилует родниками-колодезями. Отсюда и название Колодяжное. В нескольких сотнях метров от начала южной части села, из под стометровой меловой горы, пробивается каскадом ручей холодной и кристально чистой воды. Он стал базой для строительства водяной мельницы, действующей, с незапамятных времен, и по настоящее время.

В этой части села располагались административные и церковные строения: сельская управа, Никольская церковь, сельская площадь, на которой проводились сельские сходы и др. Вплоть до 1917 года правление было атаманское. Дон здесь имеет сильное течение, делающее правый поворот, поэтому правый берег на протяжении двух сотен метров представляет собой отмель, покрытую чистым песком – прекрасное место для отдыхающих. Селяне прозвали эту часть Дона – Прогон.

Село развивалось и строилось вглубь территории перпендикулярно Дону, образуя почти правильную букву Х. Простираясь своими ветвями по склонам меловых гор, на настоящее время растянулось на 5–6 км вправо от русла Дона.

Нижние ветви буквы Х отделены друг от друга огородами, которые в весенний паводок затапливались разливающимися до самого их пересечения водами Дона. Перебраться из одной части села в этих местах в другую можно было либо на лодках или в обход. Весной талые воды, а также при сильных ливнях в летний период, которые нередки в этих краях, сходящие с окружающих со всех сторон село, меловых гор по оврагам и низинам стекаются воды в низменную часть села, протянувшуюся во всю его длину. В этих случаях общий водный поток превращается в настоящую реку, достигающую в некоторых местах до ста метров ширины и протяженностью в 7–9 км. Перебраться через нее можно было не без трудностей по двум мостам, расположенным в центре буквы Х.

Это наиболее низменная часть села, в которой сходятся все четыре его ветви. В весенний и осенний период, когда льют дожди, единственная дорога, соединяющая южную и северную части села проходящая, именно, в этом месте, становится непроходимой из-за непролазной грязи. Это создает огромные трудности для селян, транспорта, особенно детворы, так как школа находится в южной части села и добраться до нее в такое время совсем не просто, также как и в сельсовет и сельский клуб.

Разливы Дона в этих местах вообще достигали до строительства Цимлянского водохранилища по ширине 5–7км., так как левый берег очень низкий, а по правому берегу от Колодяжного и до хутора Коловерть, расположенного ниже по течению, также низменные места, образующие большую излучину. Это прекрасные луга с сочной высотой в рост человека травой, которую делили на сельских сходах для всех селян, исходя из количества членов семьи и с учетом других показателей.

Северная часть села располагается двумя рядами домов, уходящими в сторону Сагунов на несколько километров. Дома тянутся по склонам гряды меловых гор в самой их нижней части. Скаты гор прорыты огромными, глубокими оврагами. В средней, наиболее низменной части села эти овраги особенно велики и глубоки, что делает ее наиболее затапливаемой в период дождей, а улицу непролазной от грязи.

Селяне и особенно молодежь этой части села ходит на Дон через гору, которая уступами поднимается метров на двести высоты, потом с небольшим уклоном простирается до самого Дона, образуя в основном большие равнинные поля. На подходах к Дону по высоким склонам меловых гор, в балках и глубоких оврагах, стекающих к Дону, растут различного состава и возраста смешанные леса. Лес доходит до заливных лугов, ширина которых в разных местах достигает сто-двести метров. Эта часть Дона получила название Тупка. Откуда появилось это название, теперь уже никто сказать не может. Расстояние до него через гору достигает двух км. Здесь прекрасное место для купанья, а также рыбной ловли. Венчает луга в этом месте высокая меловая гора, получившая название Лысая гора.

С ее вершины далеко виден левый низменный берег Дона, с располагающимся на нем селом Покровка.

Выше по течению от Тупки по правому берегу начинаются широкие затоны. Это мелководные болотистые места, изрытые естественными каналами, ериками, поросшие густыми зарослями кустарников, осоки, куги и разных трав. В тихих, мелководных заводях водится огромное количество рыбы. Заросли являются местом обитания птиц. Дон в этих местах существенно расширяется с сильным течением ближе к левому крутому берегу. Здесь причаливают пассажирские катера для покровских пассажиров.

У селян Колодяжного эта часть Дона получила название Островки. По правому берегу заливные луга в этих местах заросли деревьями и густыми труднопроходимыми кустами. Километрах в пяти выше по течению от этих мест по правому берегу Дона начинаются близко подходящие к воде меловые горы, которые тянутся до села Костомарово. Называются эти места Волофирова. Склоны и вершины гор покрыты густыми кустарниками. За ними начинаются поля.

Исходя из расположения села относительно Дона, жители разных его частей проводят время в разных местах. Селяне южной части в основном ходят на Прогон, ближней к Дону северной части - на Паром, остальные в основном в Тупку, на Островки или в Волофирову.

Как уже сказано выше свое название Колодяжное получило из-за большого количества родников, бьющих в этих местах из крутых донских берегов. Все села и хутора между Лисками и Павловском по правому берегу Дона: Костомарово, Колодяжное, Коловерть, Карабут, Белогорье, Дивногорье возникали на пространстве между меловыми горами, тянущимися с востока на запад и, развиваясь постепенно, заполняли все свободные его места, простираясь также в этом направлении. По весне особенно при интенсивном таянии снега и в другое время при ливневых дождях дома и другие постройки, ютившиеся в самой нижней части горной гряды страдают от регулярных затоплений. Многие хозяева не выдерживали подобных обстоятельств и переносили свои жилища на более возвышенные места. Другие, в силу отсутствия возможностей или приверженности к родовым местам, предпочитают оставаться на прежних местах, испытывая каждый год из-за этого не только неудобства, но, как правило, немалые убытки

В давние времена село было казачьим поселением. С началом раздачи этих земель в собственность землевладельцам началось заселение мест людьми, основным занятием которых стало земледелие и скотоводство. Земля здесь плодородная, черноземная, луга изобилуют сочными травами. Это уже были не служивые казаки, а простые крестьяне. Однако в этих краях никогда не было крепостного права. Но оставались также и казаки, которые несли службу в соответствии со сформировавшимися правилами. Они были

приписаны к Верхне-Донскому казачьему войску, с административным управлением, располагавшимся в Подгорном. Общественная жизнь на селе и административное управление осуществлялось в основном по казачьим обычаям, которое осуществлял атаман и его структуры.

Село отличалось многочисленными родственными связями селян и большим изобилием однофамильцев, что и подтверждало родство, идущее из далеких времен освоения этих земель. Постепенно близкое родство было утрачено и остались только фамилии. Среди них: Шестаковы, Шишкины, Щербаковы, Сергиенко, Бакаловы, Куприяновы и др. в большом количестве разбросанные по всей протяженности села. Вблизи Колодяжного располагаются несколько хуторов на шесть–десять домов в каждом. Сейчас они полностью заброшены. Наиболее значимым среди них хутор Коловерть, расположенный километрах в трех ниже по течению Дона. Все хуторяне были связаны с селом многочисленными родственными связями, они приходили сюда на богослужения в церковь, а также для решения бытовых проблем с сельскими органами управления.

Нужно отметить, что в 2005 году в Подгорном вновь возрождены казачьи традиции, а в Колодяжном на берегу Дона воссоздан казачий городок для тренировок и воспитания молодого поколения. Выглядит это так как представлено на фото.

Снимок из Подгоренской многотиражки «Вперед».

В самом начале нижнего ряда домов северной ветки села в той его части, которая после низины постепенно повышаясь, уходит на запад, стоял большой рубленый дом казака Щербакова Василия Мироновича. Семья была большая. Жена Татьяна Григорьевна и четверо детей: дочери: Ульяна, Полина, Настенька и самый младший сын - Василий. Это и есть мои предки. Анастасия Васильевна, 1909 года рождения, моя мама, а Василий Миронович и Татьяна Григорьевна – дед и бабушка.

Однако с началом Первой мировой войны все круто поменялось в селе Колодяжном, а его жители были втянуты в водоворот событий, захлестнувших всю огромную страну. Эти события перемололи, в том числе и судьбы моих предков.

В августе 1914 года Россия вступила в первую мировую войну. Начались массовые мобилизации в армию. Из Воронежской губернии было мобилизовано свыше 380 тысяч человек, что составило 47 процентов трудоспособного мужского населения. В связи с мировой войной в Воронежской губернии появилось много беженцев из западных частей России. В 1915 году появилась большая группа литовцев, из Риги в Вопронеж эвакуировался машиностроительный завод акционерного общества «Рихард Поле», впоследствии превратившийся в крупнейший в СССР экскаваторный завод. Позже, в связи с оккупацией германскими войсками эстонского города Юрьев (современный Тарту) в Воронеж был переведен университет, на базе которого в 1918 году был создан Воронежский государственный Университет. Но это так к слову. Наше учебное заведение за 90 лет существования также многократно меняло места пребывания.

Начало первой мировой войны поломало установившийся за многие годы порядок и жизненный уклад Колодежанских селян.

Василий Миронович в первые дни войны ушел на фронт вместе с полком, сформированным в поселке Подгорное, с сотней, костяк которой составляли жители села Колодяжное и прилегающих хуторов,

Село быстро обеднело на мужчин. Все труднейшие обязанности по ведению хозяйства ложились на плечи женщин.

Многие мужчины не вернулись с войны вовсе, другие стали возвращаться искалеченными физически и морально, познавшие не только все тяготы фронтовых баталий, но и дух свободы, навеянный революционными идеями, пропагандистами всех мастей от большевиков до анархистов.

Одним из таких фронтовиков был мой дед Щербаков Василий Миронович. Появился в селе он после лечения в киевском госпитале, куда попал после тяжелой контузии, случившейся с ним под Львовым летом 1916 года.

Со слов моей матери выглядело это так. Сотня, вытянувшаяся по фронту в лаву, обходила с флангов австрийскую батарею. Разорвавшийся перед самым носом коня снаряд разметал в стороны несколько всадников, смешав конские и людские останки с землей. Василию повезло, выброшенный из седла страшной взрывной силой снаряда, он упал в воронку, которая в туже секунду была завалена, падавшей с неба землей. Потерявшего сознание Василия подобрали санитары, спустя несколько часов. Была перебита левая рука и тяжелая контузия. Таким он и был доставлен сначала в санитарную часть, а спустя еще три недели в киевский госпиталь. Здесь он провел почти три месяца. Раны зажили, а последствия контузии остались. Он быстро по малейшему поводу выходил из себя, начинал весь дрожать и заикаться. В такие моменты с ним страшно было спорить. Нередко такое

состояние заканчивалось обмороком. Таким он и появился в Колодяжном. Почти три года провел Василий Миронович на фронтах. Были два ранения и до львовской контузии, но богатырское здоровье спасало его от тяжелых недугов, связанных с ранениями и тяготами фронтовой жизни. За заслуги перед отечеством он получил несколько наград, среди них Георгиевский Крест. Дома его встречала жена Татьяна Григорьевна и четверо детишек. Имея на руках четверых детей за прошедшие без мужа, без малого три года Татьяна здорово сдала. Посильную помощь ей в эти годы оказывала двоюродная сестра Елизавета Ивановна, вышедшая к этому времени за Мокея Шестакова.

А потому необходимо дать краткую характеристику семье Шестаковых.

Семья Шестаковых была не из бедных. Хозяйство было большое, одних пчел свыше ста двадцати ульев. Поэтому они держали работника Степана Зузулю. В 1937 году он стал поводом для одной из статей обвинения Шестаковым – эксплуатация наемной рабочей силы. Это был молчаливый, работящий мужик. В разговоры, споры вступал редко, работу выполнял любую добросовестно. В семье Шестаковых к нему привыкли, считали его практически членом семьи, кушал он за одним столом с хозяевами, за работу получал деньгами и натурой: зерном, медом, овощами и вообще все амбары и закрома Шестаковых для него были открыты. Происходил он из соседнего села Верхнего Карабута. Упоминаю о нем потому, что он также как и все кто здесь назван, имеют отношение к моей судьбе.

Подворье Шестаковых занимало большую площадь в средней, низменной части Колодяжного, а также пахотные земли за селом, относящиеся к наиболее плодородным.

Дед Шестаков был набожный. Исполнял обязанности церковного старосты при Никольской церкви села Колодяжное и слыл уважаемым человеком, разрешал многие споры. Селяне с ним считались и охотно делились с ним своими бедами и радостями.

Однажды холодным осенним днем 1906 года на паперти церкви он обнаружил сверток. Это был подброшенный грудной ребенок, которому не было и года.

Своих детей у Шестаковых не было, и ребенка приняли в семью, записав в церковную книгу под именем Захар, определив год рождения 1906. Это и есть мой отец. Спустя некоторое время выяснилось, что ребенка подбросила женщина, которая была родом из Верхнего Карабута. О его прямых родителях, т.е. моих дедушке и бабушке по родному отцу мне неизвестно ничего, а вот родственники в Карабуте были, по крайней мере, мне об этом говорила мать. Но дружбы, похоже, с ними никогда не было, поскольку и они сыграли роковую роль в нашей семье.

Шестаковым принадлежали поля под лесным массивом, именуемым Рософатой в 4–5 км от села. Это был смешанный лес, в большинстве своем заросший вековыми дубами с прекрасными лесными полянами,

прогреваемыми солнцем и потому чрезвычайно урожайными на полевые цветы и лесные ягоды. Это были прекрасные места для летнего содержания пчелиных пасек. Эти места и сейчас выглядят также.

У Шестаковых была большая пасека. Ежегодно снимались большие урожаи меда, что давало существенный доход в хозяйстве. Им принадлежало свыше 20 гектар обрабатываемой земли. Значительная часть ее находилась под Рософатой. Но большой надел принадлежал также и в границах села, в наиболее затапливаемой при весенних паводках и летних ливнях его части и потому исключительно плодородной. Шестаковым принадлежал здесь большой участок, около 2-х гектар, крутого косогора, поднимающегося сразу за затапливаемыми огородами на стометровую высоту. Это холмистая гряда, отделяющая северное крыло села от южного, в той его части, которая уходит к Селу Сагуны. Южная часть села в этой части носит название Салы.

Все эти довольно странные названия, трудно поддающееся пониманию, происходят от названий, данных этим местам еще в период проживания здесь кочевых народов и первых беглых на Дон людей, впоследствии образовавших донскую казачью вольницу. И только название села Колодяжное имеет прямое отношение к изобилию родниковых источников, которыми славится Село до сих пор.

По всему косогору Шестаковы разбили сад. Также поступили и другие хозяева, имевшие в собственности землю в этом месте. Поэтому сады простираются до самой западной оконечности села. Заложенные в те времена сады и конфискованные во времена коллективизации и до сих пор окружают село, несмотря на то, что в последующий за коллективизацией период они были отданы на полное разграбление и запустение, а хозяева, теперь уже бывшие, и заикнутся не могли о своем праве на них. Помню, в послевоенные годы с селян брали налоги абсолютно за все объекты, которые находились в пользовании хозяев: за скот, за птиц, за строения, за сотки огорода и др., а также поштучно за фруктовые деревья, которые росли на огородах или подворье. Поштучно и платился налог. При этом хозяин сам заявлял их количество. Но потом в необъявленное время по селу шла комиссия, в основном из местных активистов, которые все заранее знали о каждом селянине и его собственности и сверяли списки с натурой. И горе было хозяину, если вдруг обнаруживалось, что налог неуплачен за одну-две курицы или фруктовое дерево, к, примеру, еще не плодоносящую грушу или яблоню. И селяне, заслышав о шествии комиссии, до ее прихода забивали «лишний» скот, птицу, рубили под корень фруктовые деревья. И молились, чтобы в комиссии не объявился сосед активист, который знал об этих излишествах. Ибо такого «вредителя» ждала суровая кара вплоть до ареста и заключения.

Не смотря на тяжелые времена, которые ушли в прошлое, природа как живой организм продолжает питать сады своими соками. Сады заросли, есть совершенно непролазные места, фруктовые деревья постепенно

становились дичками. Многие селяне в основном женщины, мужчины на все 90 процентов полегли на полях Великой Отечественной войны, в послевоенные годы вырубали сады на дрова, так как за деревья, привезенные из леса, можно было также попасть под арест или быть оштрафованным.

Но и сегодня в весенний период, период цветения с высоты меловых холмов село смотрится как огромное белое облако, а запах цветущих вишен, слив, яблонь, груш чувствуется за километры от села. До последнего времени в садах жило большое количество разнообразных птиц: кукушки, соловьи, удоды, совы. Они гнездились даже во дворах селян, которые, как правило, засажены фруктовыми и декоративными деревьями. В наше время птиц существенно поубавилось. Редко теперь можно услышать крик совы, специфические звуки, издаваемые удодом. Однако по весне соловьиные трели и сейчас буквально заполняют все пространство села и его окрестностей. Особенно их много по берегам Дона.

27 февраля 1917 года пало царское правительство. Победила февральская революция. А уже летом этого года начался быстрый рост в Воронеже и губернии численности большевистских организаций.

Этому способствовало то, что временное правительство летом 1917 года отправило на фронт значительную часть Воронежского гарнизона, а в Воронеж прибыло пополнение из Сибири - свыше 2000 солдат пулеметного полка. Выгрузившись на вокзале, они тут же с большевистскими лозунгами прошли по улицам города. Большевикам сочувствовали почти все солдаты. А уже 30 октября в Воронеже была установлена Советская власть. Смутные времена наступили в Воронежской губернии. Сельские местности были далеки от лояльности к новой власти. То в одном, то в другом месте вспыхивали очаги сопротивления. Особенно яростные выступления наступили с началом казачьего восстания на южных границах губернии, а также крестьянских выступлений в центральных областях, прежде всего в Тамбовской губернии. В Колодяжном также стало неспокойно.

Многие крестьянские семьи, лишенные кормильцев, окончательно разорились и голодали. В этих условиях резко вверх пошло революционное движение в Воронеже, оно захватило также цементный завод в Подгорном, а в селах , в том числе и Колодяжном произошло существенное расслоение селян на бедных и богатых. Семьи, которые потеряли на войне мужчин или они все еще оставались в действующей армии, плену или госпиталях, бедствовали. Другие семьи, где мужчины оставались дома, становились еще более зажиточными, используя практически дармовую рабочую силу из бедняков.

С началом войны селяне перестали ходить на сходы и разного рода собрания, а если и шли, то под давлением многоразовых «приглашений». Сельская управа хотя и продолжала существовать, но по сути власти уже не имела. Из среды «голытьбы» народились сельские активисты. Это были вернувшиеся с войны фронтовики, знавшие большевистские призывы брать власть, да и имущество «мироедов» в свои руки, в том числе и силой

оружия, с которым они вернулись домой. **Одним из них был Василий Щербаков, мой дед.** Вернувшись с войны искалеченный, физически и морально, он утратил интерес к тяжелой крестьянской работе. К тому же на подворье не осталось ни коровы, ни лошади, которые были обменяны на хлеб и картошку еще в его отсутствие. Татьяна Григорьевна, имея на руках четверых детей-малолеток, не смогла содержать скотину, которой требовался корм и трудоемкий, постоянный уход. Жили они впроголодь, часто в доме вообще ничего съестного не было. Помогали сердобольные соседи, да семья Шестаковых. Елизавета Ивановна, двоюродная сестра Татьяны всячески старалась им помочь. Однако, когда вернулся с войны Василий отношения между Щербаковыми и Шестаковыми испортились. Василий относился к новым активистам, а Шестаковы к «мироедам». Василий вел себя вызывающе. При этом на его поведении сказывались последствия контузии. Он часто приходил домой пьяным. В такие моменты всю свою озлобленность на мировую буржуазию и местных богачей «мироедов», Василий срывал на Татьяне и детях. Дети забивались в угол на печке и не высовывали оттуда носа. Побои доставались Татьяне. В такие минуты Василий был страшен. Не осознавая себя, он хватал в руки шашку, и рубил ею все, что попадалось на глаза. Поэтому в доме вся и без того убогая мебель: лавки, табуретки, кровати носили следы сабельных ударов и рубцов. Он с энтузиазмом принимал участие в мероприятиях сельских активистов и слыл среди них одним из активных бойцов.

Роковая развязка наступила весной 1918 года. К этому времени белые захватили всю воронежскую губернию и двигались на Москву. Отряд белых шел рейдом со стороны Белогорья, разгоняя сторонников красных в этом уезде, в том числе, в Верхнем Карабуте. Колодежанские активисты, узнав о движении отряда белых, подготовились к отражению его наступления. Возглавил сформированный отряд Василий Миронович Щербаков – мой дед. Бой произошел в сумерках, на склонах меловых гор со стороны криницы в начале северного крыла села у ветряной мельницы. Большинство повстанцев погибли. Дед Василий Миронович был зарублен. Белые тоже понесли серьезный урон и, утром, из села ушли. Церковный староста Шестаков эти дни не уходил из церкви. Это было недалеко от места сражения. Он и другие служители церкви одними из первых пришли на поле боя. Убирая трупы и раненых, в одном из убитых офицеров он опознал, как предполагала моя мама, карабутского родственника их приемного сына Захарки, моего отца. Воспользовавшись темнотой, они перевезли труп офицера на свое подворье и похоронили в верхней части сада в вишневых зарослях. Наутро хоронили других убитых. По настойчивой просьбе Елизаветы Ивановны Василия Мироновича также похоронили рядом с офицером в саду. Я помню эти два могильных холмика. Сегодня это еле заметные в густых зарослях вишен и терна два бугорка и я, наверное, последний кто знает, что они означают. К 1930-му году от Шестаковых ушел Степан Зузуля. Он активно участвовал в раскулачивании «мироедов» и был убит при проведении одной из таких акций, но, очевидно, успел поделиться

с кем-то этой тайной. В 1937 году Шестаковым было предъявлено, в том числе, обвинение в организации церковного заговора, убийстве Степана и сокрытии факта захоронения белого офицера. Это дело я прочитал только в 2008 году в архивах Воронежа.

Не прошло и полугода со дня гибели Василия Мироновича, как умерла Татьяна Григорьевна. Без отца и материи остались четверо малолетних детей. Их забрали к себе Шестаковы. Таким образом, они стали воспитывать пятерых приемных детей. Старшему Захару было 12 лет, Насте- 9 лет, другим и того меньше. Также как и Захара, Шестаковы вписали всех детишек в церковную регистрационную книгу, но с указанием действительных родителей и фамилии, обозначив себя как опекунов, позднее это было подтверждено сельским советом.

В 30- годы начиналась коллективизация, которая сулила новые испытания селянам Колодяжного. Зажиточные селяне коллективизацию не принимали. К таковым относилась и семья Шестаковых.

Особенно тревожные времена наступили к 1929 году. До 1931 года подворье Шестаковых поджигали трижды. Окончательное раскулачивание произошло в конце ноября 1931 года.

Приведу состав имущества семьи, которое стало причиной этой акции, повлекшей за собой невероятные страдания нашей семье.

Сведения об имущественном положении Шестаковых, я получил из архивно-следственного дела № П-8347 в архивном отделе центра документации новейшей истории Воронежской области в 2008 году.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СЕМЬИ ШЕСТАКОВЫХ

№	Наименование имущества	По состоянию на 1929 г.	На момент ареста, 1937 г.
1	Земля под обработкой, га.	20	0,55
2	Домов	1	1
3	Хозяйственных построек	6	1
4	Пасека (ульев)	120	6
5	Сельхозмашин:		
6	Плугов	4	-
7	Борон	4	-
8	Сеялок	1	-
9	Веялок	1	-
10	Косилок	1	-
11	Молотилок	1	-
12	Скота:		
13	Лошадей	1	-
14	Коров	3	1
15	Волов	5	-
16	Быков	1	-
17	Овец	25	-
18	Свиней	7	-
19	Молодняк	7	1

На момент раскулачивания многого уже не было в наличии. Большая часть погибла в пожарах, инвентарь растащили активисты для нужд создаваемого колхоза. Однако именно этот перечень стал основанием для раскулачивания.

Самый жестокий пожар пришелся на день свадьбы Захара и Анастасии в 1930 году. Сгорели постройки, погиб скот.

В Колодяжном создавалось сразу 4-е колхоза, на каждую ветвь Х- образного расположения села. В той части села, где располагалось подворье Шестаковых колхоз, получил название «Правда». Позже, после войны их объединили в один с названием «Колодежанский», но за данной частью села на многие времена закрепилось имя «правды». Шестаковы и еще 3 подворья в данной части Колодяжного в колхоз не вступали и вели единоличное хозяйство.

До 1937 года притеснения, оказываемые единоличным хозяевам, каковыми оставались Шестаковы имели место, однако их содержание определялось отношением местных властей и активистов, оставаясь в рамках сельских взаимоотношений. Они были лишены избирательных прав, как раскулаченные.

Все изменилось летом 1937 года. Нарком внутренних дел Ежов 30 июля издал директиву № 0047. Начинался Большой террор, который длился 15 месяцев. Теперь уже известно, что масштабы его были чудовищные. Приговоры выносили внесудебные органы – «тройки». В соответствии с директивой с 5-го августа 1937 года во всех республиках, краях и областях была начата «операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников». В тройку входили: начальник НКВД, секретарь комитета партии и прокурор. Для регионов вводились лимиты – сколько народу должно быть репрессировано по каждой категории. По ходу дела лимиты существенно превышались, в некоторых регионах почти на порядок. Операция планировалась на четыре месяца, но растянулась на пятнадцать. По указанию МВД СССР «тройки» прекратили рассматривать дела лишь в апреле 1938 года. Все антисоветские элементы делились на две категории: наиболее враждебные и менее активные, но тоже враждебные. Первая категория подлежала немедленному расстрелу. Вторая – заключению до 10 лет.

Список приговоренных, в котором были имена деда Шестакова и бабки Елизаветы, состоял из 120 фамилий, 40 человек были приговорены к расстрелу. И это за одно заседание тройки 30 августа. В начале списка против фамилий осужденных написано полное слово «РАСТРЕЛЯТЬ», а в конце списка просто буква Р. Видимо «устала тройка» писать или спешили.

Приговоры приводились в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение».

Деда, ему было 55 лет и бабушку Елизавету Ивановну, ей было 47 лет, арестовали уже в августе. Обоим дали по 10 лет. В вину вменялось:

1. Кулаки – использовали наемный труд ;

2. Участвовал дед в церковном заговоре в селе Колодяжное;

3. Тайно похоронил белого офицера на своем подворье и скрыл это от властей.

Как церковнослужителя, дед был церковным старостой, его отправили на Соловки. Елизавета Ивановна вернулась домой в 1940 году. Ее отпустили с ограничением гражданских прав, поскольку ее считали иждивенкой, и она воспитывала пятерых приемных детей. Судьба деда неизвестна. Документов о его смерти, расстреле или гибели и месте захоронения в деле не имеется. Документа о его реабилитации также не имеется. Но теперь также известно, что относительно церковнослужителей, осужденных на разные сроки, была дополнительная директива об их физическом уничтожении. Бабушка Елизавета Ивановна была реабилитирована в 1995 году. Документ имеется.

Еще до ареста приемных родителей у Захара и Анастасии в 1932 году родился сын Иван, мой старший брат, а уже после ареста деда с бабкой родился я, Владимир, в 1938 году. **Так, что ни родных деда, ни бабушку, ни приемного деда, я не успел увидеть, так же, как и отца, который ушел на фронт в начале войны, когда мне было три года, и не вернулся.** Не сохранилось, а может и не было ни единой фото на них. Вышла замуж за соседского парня Петра Полина, а за ней Ульяна. После ареста приемных родителей ушел из дома «на заработки» Василий. Первое время подавал о себе знать, а с началом войны исчез вовсе.

В архивно-следственном деле имеется также папка на моих родителей, и даже протокол допроса брата Ивана, ему было 5 лет, несколько «доносов». **При получении разрешения на ознакомление с документами, согласно установленному порядку, требуется подписать обязательство о неразглашении имен знакомых и применения к ним и их потомкам санкций, если таковые имеются в деле.** В деле я нашел некоторые знакомые мне фамилии селян. Могу только отметить поэтому, что один из наиболее рьяных активистов и доносчиков после войны стал моим крестным отцом. Это произошло в 1944 году, когда мне было уже 6 лет, мы вернулись из оккупации, в село забрел какой-то поп, который за продукты производил обряд крещения. Мужиков в селе не осталось. На нашем краю села был, вернувшийся с фронта после контузии, солдат. Он и стал моим крестным. Сейчас в России действует закон о компенсациях репрессированным. Но оказалось, что закон распространяется только на прямых наследников, каковым был мой отец.

К началу Великой Отечественной войны мне было три года. Война очень быстро докатилась до деревни Колодяжное. Немецкие части захватили весь правый берег Дона, но левый от Павловска и почти до Лисок оставался в руках Красной Армии. И все села по правому берегу Дона

представляли собой передовую линию фронта. Такое положение оставалось до конца военных действий в этом районе, т.е. до конца Сталинградской битвы. С момента появления немцев в селе Колодяжное с левого берега Дона, со стороны советских войск постоянно проникали диверсионные и разведывательные группы. Каждую ночь возникали перестрелки. И тогда все население этих сел, немцы эвакуировали, нас всех погнали в оккупацию. При этом работоспособную часть населения, в их числе была моя мать тоже, угнали на рытье окопов, и она нашла нас спустя время в Купянске. Мы были с бабушкой Елизаветой. Мне было три года, Ивану-9. Сначала всех содержали на бывшей свиноферме под Россошью, приспособленную под лагерь для советских военнопленных. Потом всех гражданских лиц, отделили и отправили эшелоном на Запад в неизвестность, возможно, куда-нибудь в концлагерь, например, в Саласпилс, ведь это были в основном дети, такие, как мы с Иваном, а здесь и собирали детей как доноров крови для немецких солдат. Но эшелон застрял под Харьковым. В это время здесь разворачивались жесточайшие бои. Какое-то время эшелон оставался «беспризорным» на путях, потом народ разбрелся по окрестным селам. Мы с Иваном и еще четверо двоюродных братьев и сестер – дети тетки Полины – такого же возраста, как и мы, приютились в Купянске, тогда это был просто поселок. Мы оставались там до наступления Красной Армии и в начале 1944 года вернулись домой. Сейчас, глядя на своего 3-летнего внука – несмышленыша – поражаюсь, как мы могли выжить в тех условиях и не потеряться, без родителей, практически без ухода и присмотра.

В России перемещенные лица в период войны также имеют право на компенсации. Брат Иван попытался использовать эту ситуацию. Интересны ответы разных инстанций на его обращения. Содержание примерно одинаковое: списками перемещенных лиц из села Колодяжное не располагаем. Я понимаю, что их и не могло быть. Правда, другие просто находили свидетелей. Но и время было упущено, да и не к чему все это.

Жили не просто бедно, а чрезвычайно бедно в землянке. Село было полностью разрушено. Поражало огромное количество оставленных боеприпасов. Заминирована была вся местность, прилегающая к Дону. В садах, в огородах, в рощах, кругом валялись мины, гранаты, снаряды. Еще долгое время на них подрывались люди и скот. Семилетнюю школу я закончил в Колодяжном. Десятилетка была только в Сагунах, в 7 километрах. Это был тупик. Но судьба указала мне другой путь моего образования. И это уже другая история.

На фото «спец» 6-ой спецшколы ВВС
и студент ВЛТИ на практике

Я поступил в 6-ую Воронежскую среднюю специальную школу Военно-воздушных сил, которая находилась в г. Липецке. Это был 1951, а мне – 13 год. Моими однокашниками по спецшколе были космонавты А.Леонов и В. Филипченко. В РКИИГА работали еще два выпускника 6-ой спецшколы ВВС: Е. Коняев на МФ и В. Бережной на РТФ. Мой выпуск был последним в спецшколе. По решению Правительства во времена Н. Хрущева о сокращении Красной Армии на 1200 тыс. человек все школы такого рода были расформированы. Остались только Суворовские и Нахимовские училища. После спецшколы была 10-ая ВАШПОЛ (Военно-авиационная школа первоначального обучения летчиков) в г. Кременчуге, позднее реорганизованная в вертолетное училище ГА, Воронежский лесотехнический институт (ВЛТИ), откуда, как сказано выше, вместе с другими, я перешел в РИИГВФ и стал участникам представленной в этой книге истории столь знаменитого авиационного учебного заведения.

На фото представлен последний 15-й выпуск 6-ой спецшколы ВВС. Первый в колонне это тоже я. Большинства из ребят уже нет в живых. Они воевали в небе Вьетнама, Анголы и других горячих точках. Всего спецшкола выпустила свыше 2500 специалистов, в основном они стали пилотами и штурманами, А. Леонов и А. Филипченко космонавтами, есть заслуженные ученые и специалисты ГА.

Девизом всех «спецов» были слова:
« Когда взлетим, как птичья стая, мы в голубую даль небес, привет пришлем тебе родная, 6-я школа ВВС».

Мой брат Иван – морской военный инженер
и внук Владик, которому я и посвятил эту главу книги

Послесловие

Уважаемый читатель!

Любое учебное заведение для его выпускника – это *Alma mater*, молодость, друзья, начало большого пути в жизни. При встречах выпускников, как правило, «вспоминаются минувшие дни и место, где дружбу водили они».

В книге Я кратко хронологически описал последние годы учебного заведения, а также студенческую жизнь. Даже эти штрихи позволяют понять, насколько она была в РКИИГА-РАУ богатой и разнообразной. В книгу помещены фото многих выпускников и преподавателей некоторых кафедр в полном их составе. Этих фотографий не найти на сайтах Интернета, а они являются свидетелями истории нашего вуз.

Понимаю, что на вопросы в сослагательном наклонении ответов не бывает. И все же смею надеяться, что вы, прочитав книгу, спросите, как часто спрашиваю я: а *была ли необходимость в ликвидации столь достойного учебного заведения, можно ли было сохранить РАУ в каком либо приемлемом для всех виде, так ли все трагично в случившемся и получила ли продолжение история авиационного заведения.*

Упомянутые афоризмы, по-моему, достаточно точно отражают суть происшедшего с РАУ.

«Лес рубят – щепки летят». Ну, могла ли Латвия считаться с тем, что ей мешало в исторически важный для нее момент обретения утерянной независимости?

«Все хотят все, но всех много, а всего мало». История давно доказала, что побеждает тот, кто оказался в нужное время в нужном месте и, согласно статистике из сферы безопасности жизнедеятельности (она приведена в книге), в нужном диапазоне из градаций толпы по ее реакции на происходящие события. Это был момент истины, и у каждого он был своим.

«Все в мире имеет тенденцию к разрушению». Это объективная закономерность, установленная Мэрфи, и с ней нужно всегда считаться. К тому же верующие знают давно, а теперь и неверующие тоже, что бога гневить не нужно, особенно, оскверняя храмы.

«Жизнь вечна своей повторяемостью». Можно добавить множество других выражений подтверждающих эту истину: « Все, что не делается, все – к лучшему»; « Король умер, да здравствует король» и т.д. Так оно и случилось с РАУ. Важно помнить и преумножать традиции уникального учебного заведения, каким был РКИИГА-РАУ, и делать все, чтобы его выпускники воспринимали свой вуз как *Alma mater.* И такое учебное заведение надо полагать уже состоялось.

Я включил в книгу главу о себе. Дело в том, что РКВИАВУ было одним из высших авиационных учебных заведений, в которых учились выпускники специальных школ военно-воздушных сил, одну из которых закончил я. А в РКИИГА даже работали преподавателями мои однокашники по 6-ой спецшколе. Были и преподаватели, оставшиеся после училища, закончившие и другие спецшколы. Тем самым я отметил и их вклад в становление РКИИГА, каким его воспринимают выпускники.